

А. Д. Кошелев (Москва)

К определению сущности комического
(когнитивный подход)

1. Введение

Самое известное определение комического принадлежит Аристотелю. Анализируя жанр комедии, он писал: "Комедия... это воспроизведение худших людей, но не во всей их порочности, а в смешном виде. Смешное – частица безобразного. Смешное – это какая-нибудь ошибка или уродство, не причиняющее страданий и вреда, как, например, комическая маска. Это нечто безобразное и уродливое, но без страдания" [Аристотель 2000: Поэтика, 1449а, 32]. Здесь в основу комического кладется некоторое противоречие: вопреки первичному (и «ошибочному») впечатлению, воспринятое «уродство» оказывается безболезненным и безвредным.

Несмотря на чрезвычайное разнообразие последующих трактовок комического, почти все они нацелены на уточнение и разъяснение отмеченного Аристотелем противоречия: «умственный контраст», «ощущаемый абсурд», «видимая нелепость», «отклонение от нормы» и др. Вот что писал по этому поводу А. Бергсон:

Теофиль Готье назвал комизм логикой нелепости. Многие теории смеха сходятся на подобной же мысли. Всякий комический эффект должен заключать в себе противоречие в каком-нибудь отношении. Нас заставляет смеяться нелепость, воплощенная в конкретную форму, — «видимая нелепость», или кажущаяся нелепость, сначала допущенная, а затем исправленная, или, наконец, то, что нелепо с одной стороны, но естественно объяснимо — с другой, и т. д. [Бергсон 2000: 101—102]. Бергсон

При этом и Бергсон, и многие другие исследователи подчеркивали, что далеко не всякое противоречие, даже облеченное в конкретную форму, создает комический эффект. Поэтому едва ли не главной задачей стало исследование особенностей комического противоречия, выявление его необходимых и достаточных признаков. В этом плане наибольший интерес для нас представляет концепция И. Канта. Вот как описывается в ней «игра эстетических идей», дающая «повод к смеху»:

Во всем, что вызывает веселый неудержимый смех, должно заключаться нечто бессмысленное ... *Смех — это эффект, возникающий из превращения напряженного ожидания в ничто.* Именно это превращение, которое для рассудка безусловно не радостно, все же косвенно вызывает на мгновение живую радость. á...ñ если наследник богатого родственника, намеревающийся торжественно оформить его похороны, жалуется, что ему это не удастся, ибо (говорит он) «чем больше я плачу плакальщицам, чтобы они выглядели грустными, тем веселее они выглядят», то мы громко смеемся, а причина этого заключается в том, что наше ожидание внезапно превращается в ничто. Следует заметить, что ожидание должно превратиться не в позитивную противоположность ожидаемого предмета — так как это всегда есть нечто и может огорчить, — но именно в ничто [Кант 1994: 207—208]; курсив автора.

Продолжая эту традицию, мы хотим предложить свою трактовку указанного Аристотелем противоречия. А именно, мы постараемся показать, что в основе комического лежит **особое, иллюзорное противоречие** (подробнее о нем см. [Кошелев 2006; 2007]).

В последующих рассуждениях мы будем учитывать следующее обстоятельство. Реакция человека на комическую ситуацию мгновенна и спонтанна. При этом, комическая ситуация часто представлена не текстом, а изображением (картинкой или действием). И это изображение воспринимается человеком непосредственно. И это изображение воспринимается человеком непосредственно. А значит, при анализе феномена комического необходимо

прежде всего опираться на психологические законы человеческого восприятия и мышления. В этом плане опора на филологический, точнее, на герменевтический анализ не может, как кажется, дать желаемого результата ([Attardo 1994]).

2. О сущности комического противоречия

Чтобы объяснить суть комического противоречия нам понадобится хорошо известное в психологии понятие «бессознательное умозаключение». Еще в XIX веке выдающийся немецкий физик и психолог Герман фон Гельмгольц обнаружил, что

зрительное восприятие не контролируется зонами коры головного мозга, ответственными за сознательные суждения... мы делаем бессознательные умозаключения по поводу увиденных событий (цит. по: [Бутовская 2004: 23]).

В XX веке эти же мысли высказывал Жан Пиаже. Обсуждая перцептивные иллюзии (когда один и тот же объект в разных контекстах воспринимаются как более и менее длинный, когда тяжелый предмет воспринимается по своему внешнему виду как легкий и под.), он писал: «оптическая иллюзия, или иллюзия веса предмета остаются и тогда, когда нам уже известны объективные величины воспринимаемых объектов. Отсюда можно сделать вывод, что рассуждение отнюдь не вмешивается в восприятие ...» ([Пиаже 1969: 110—111]).

Мы полагаем, что сфера бессознательных умозаключений гораздо шире. Они носят не только перцептивный, как у Гельмгольца и Пиаже, но и смысловой характер. Обычно такие бессознательные интерпретации возникают у человека при восприятии типичных, или стереотипных событий, хорошо известных ему по его прошлому опыту. Например, детям с раннего возраста становится известным лицевой жест «высунутый язык». Они показывают язык друг другу, а иногда и взрослым и даже родителям. В соответствии с данными этологии, в европейской культуре демонстрация высунутого языка трактуется как «высмеивание других ... неприязненное отношение к ним» или «протест с элементами агрессивности» ([Бутовская 2004: 62]. Эта типичная трактовка быстро и произвольно закрепляется за демонстрацией высунутого языка. Поэтому как только мы видим человека, показывающего окружающим язык, в нашем мозге моментально появляется бессознательное умозаключение: «Он высмеивает, третирует окружающих». Оно формируется произвольно, по формуле **Стимул** (стереотипное событие -- высунутый язык) – **Реакция** (его оценка: «высмеивание, протест»).

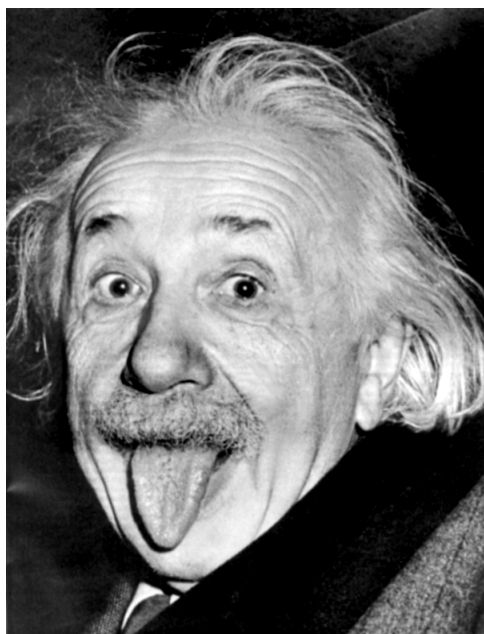
Рассмотрим в качестве примера

1) Шутливый фотопортрет Эйнштейна. Когда люди, хорошо знающие внешность и человеческие качества Альберта Эйнштейна, видят фотографию, на которой он показывает язык (см. фото слева), они смеются.

Объясним, почему здесь возникает комический эффект.

Как только мы увидели этот портрет, у нас моментально формируется бессознательное умозаключение: «Эйнштейн публично высмеивает, третирует кого-то».

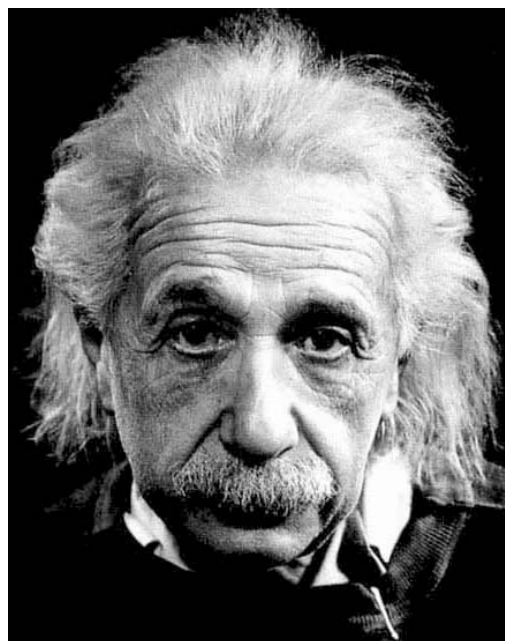
Однако оно никак не вяжется с нашими представлениями об Эйнштейне как «высококультурном и одухотворенном человеке» (эту его общепризнанную характеристику символизирует портрет справа). Возникает явное противоречие между нашими исходными знаниями об Эйнштейне и этим бессознательным умозаключением.

ВОСПРИНЯТЫЙ ЖЕСТ
«ВЫСУНУТЫЙ ЯЗЫК»

ВЫСМЕИВАНИЕ АДРЕСАТА → ПРОТИВОРЕЧИЕ ← ВЫСОКАЯ КУЛЬТУРА

ИСХОДНЫЕ ЗНАНИЯ
«ОДУХОТВОРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Изобразим когнитивную интерпретацию воспринятого портрета (слева) в виде двух-уровневой иерархической Схемы:

2. Эйнштейн показал язык СЛЕДОВАТЕЛЬНО Он высмеивает кого-то

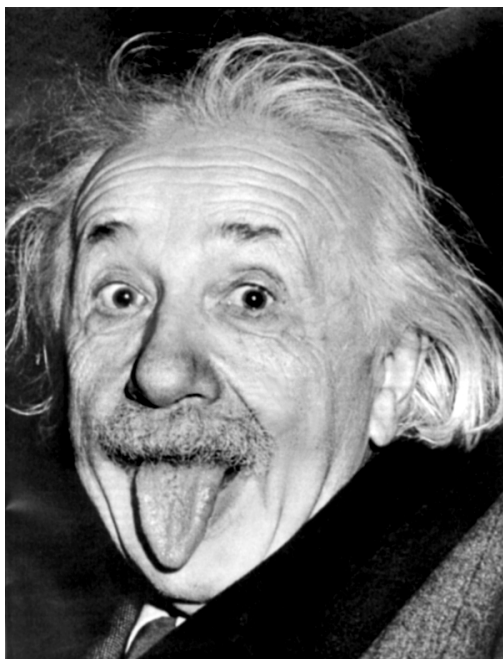

1. Эйнштейн – одухотворенный и культурный человек

Здесь уровень 1 – это наши знания об Эйнштейне, а уровень 2 – мгновенное бессознательное умозаключение, вызванное восприятием портрета. Как мы видим, в этой Схеме уровень 2 вступает в антагонистическое противоречие с уровнем 1: по крайней мере в момент демонстрации высунутого языка Эйнштейн не является одухотворенным и культурным человеком.

Для анализа этого противоречия (определения: истинно оно или нет) сразу же включается наше логическое мышление, которое более детально анализирует и сам портрет Эйнштейна с высунутым языком, и возможный контекст, в котором он был сделан, и другую информацию, которая совершенно не учитывалась при формировании бессознательного умозаключения. В результате мы сразу же понимаем, что в данном случае возникшее противоречие иллюзорно. Высунутый язык Эйнштейна – это его чисто внешняя, ситуативная реакция. В ней нет ни неприязни к окружающим, ни их высмеивания. Скорее всего, Эйнштейн просто подшутил над снимавшим его фотографом, который надеялся получить еще один вариант символического портрета (фото справа). Поэтому в нашем мозге (в когнитивной структуре, отражающей нашу мысленную трактовку воспринятого портрета) моментально формируется еще одно, уже сознательное умозаключение: Эйнштейн показал язык с целью подшутить над фотографом и окружающими, сказать: «Вот мой подлинный портрет».

В результате, в приведенной выше Схеме появляется еще один, самый приоритетный уровень иерархии: сознательное умозаключение (уровень 3). Оно указывает, что в данном случае бессознательное умозаключение (уровень 2) ложно. Теперь мы получаем итоговую Схему интерпретации воспринятого портрета Эйнштейна. Она представляет иллюзорное, или **комическое противоречие**.

3. ЭЙНШТЕЙН ПОКАЗАЛ ЯЗЫК
НО АНАЛИЗ ПОКАЗАЛ:
ОН НИКОГО НЕ ВЫСМЕИВАЕТ
(СОЗНАТЕЛЬНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ)
- ↓
2. ЭЙНШТЕЙН ПОКАЗАЛ ЯЗЫК
СЛЕДОВАТЕЛЬНО
ВЫСМЕИВАЕТ КОГО-ТО
(БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ)
- ↓
1. ЭЙНШТЕЙН – КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
(ИСХОДНЫЕ ЗНАНИЯ)

Схема КОМИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

СНИМАЕТ ПРОТИВОРЕЧИЕ и ШОК
ВЫЗЫВАЕТ КОМИЧЕСКИЙ СМЕХ

Схема I: Интерпретация портрета Эйнштейна

В этой интерпретационной Схеме и выражена суть комического эффекта. Согласно Гельмгольцу и Пиаже бессознательное умозаключение неподвластно логической корректуре. Оно существует независимо от логики, поэтому появившееся на третьем уровне иерархии сознательное умозаключение не может его изменить или удалить из Схемы I. Но, имея более высокий приоритет, оно может отменить действие бессознательного умозаключения. В этом и состоит комическое противоречие: одновременно сосуществуют два противоречащих друг другу умозаключения. Однако создаваемое ими противоречие иллюзорно, поскольку верхнее, сознательное умозаключение (уровень 3) отменяет действие нижнего, бессознательного умозаключения (уровень 2).

Проиллюстрируем объяснительные возможности полученной когнитивной Схемы I, сформированной в мозге человека, воспринявшего данный портрет Эйнштейна (назовем его наблюдателем). Покажем, что любые отступления от нее лишают портрет комичности.

Начнем с нижнего уровня. На нем представлены исходные, «энциклопедические» знания наблюдателя об Эйнштейне. Они должны быть достаточно полными, чтобы давать а) сущностную характеристику его личности: «Эйнштейн – выдающийся ученый, доброжелательный и культурный человек» и б) позволять наблюдателю легко узнавать Эйнштейна по внешнему виду (по фотографиям и пр.). В отсутствии таких знаний обсуждаемый портрет Эйнштейна не произведет комического эффекта. При этом и сам портрет Эйнштейна должен быть узнаваемым. Если «гримаса» исказит лицо Эйнштейна до неузнаваемости, комического эффекта от ее восприятия также не будет.

Второй уровень Схемы I занимает бессознательное умозаключение – непосредственная оценка воспринятого стереотипного события -- жеста «высунутый язык»: «высмеивание, пренебрежительное отношение». Для комического эффекта критически важно, чтобы это ав-

томатически, почти рефлекторно возникающее суждение вступало в антагонистическое противоречие с какой-то сущностной характеристикой Эйнштейна, заданной первым уровнем. Это противоречие вызывает у наблюдателя эмоциональное напряжение.

Третий уровень иерархии занимает сознательное умозаключение. Оно формируется логическим мышлением на основе всей доступной наблюдателю информации. Во-первых, анализируется в деталях выражение лица Эйнштейна. И результат этого анализа очевиден: лицо явно доброжелательное, что не согласуется с демонстрацией языка. Во-вторых, анализируется возможный контекст, в котором был продемонстрирован данный лицевой жест. И он также позволяет предположить, что Эйнштейн показал язык на ходу, желая подшутить над назойливым фотографом, и т. д. Эти и другие данные указывают, что никакой насмешки или пренебрежения высунутый язык Эйнштейна не выражает. Тем самым, осознанное умозаключение, обладая более высоким приоритетом, отменяет действие ниже лежащего бессознательного умозаключения, а значит и снимает возникшее было антагонистическое противоречие. Эмоциональное напряжение наблюдателя благополучно разряжается, «превращается в ничто» (Кант).

Однако неантагонистическое, иллюзорное противоречие остается, поскольку бессознательное умозаключение, сформированное самостоятельным механизмом, в Схеме I сохраняется. Поэтому комический эффект, пусть и в более слабой форме, остается и при последующем восприятии данного портрета: у наблюдателя вновь формируется эта же структура. Один механизм формирует то же самое бессознательное умозаключение, а другой – то же самое сознательное.

Представим теперь на минуту обратную ситуацию: высунутый язык Эйнштейна означает, что он и в самом деле озлобился, стал раздражительным, пожелал высмеять фотографа. Тогда это уже не было бы комичным. Оба умозаключения (сознательное и бессознательное) вступили бы в **противоречие исходной** характеристикой – «Эйнштейн – доброжелательный и культурный человек» – и на время ее отменили бы.

Замечание. Все рассмотренные выше мыслительные операции наблюдателя, приведшие к формированию Схемы I, осуществляются, насколько можно судить, без использования внутренней речи (даже отдельных, обрывочных слов и фраз). Происходит непосредственная манипуляция содержательными когнитивными единицами (изображениями и их интерпретациями) и размещение их в уже существующей иерархической структуре Схемы I.

Мы рассмотрели комичное **изображение**. Перейдем к **речевым описаниям** комических ситуаций и покажем, что Схema I справедлива и для них.

2) **Трагикомическая история.** Конрад Лоренц, иллюстрируя процесс образования привычки у животных, рассказывает о наблюдении известной исследовательницы Маргарет Альтман. Вот, что он пишет:

Изучая в естественных условиях оленей и лосей, она много месяцев шла по следам своих объектов со своей старой лошастью и еще более старым мулом ... Стоило ей лишь несколько раз разбить лагерь на одном и том же месте — и оказывалось совершенно невозможно провести через это место ее животных, не разыграв, хотя бы «символически», короткую остановку со снятием и обратной нагрузкой вьюков, разбивку и свертывание лагеря.

Есть старая история о проповеднике из маленького городка на американском западе, купившем, не зная того, лошадь, на которой много лет ездил пьяница. Этот Росинант заставлял своего преподобного хозяина останавливаться перед каждым кабаком и заходить туда хотя бы на минуту.

Только после этого лошадь продолжала путь. Здесь иллюзорность противоречия налицо: проповедник заходит в каждый попутный кабак (внешний признак пьяницы, на ос-

нове которого у нас автоматически возникает бессознательное умозаключение: Он – пьяница), но не для того, чтобы пропустить стаканчик, а чтобы его лошадь продолжила путь. Поэтому мы сразу же формируем сознательное умозаключение: «Он добропорядочный проповедник».

История на редкость комичная. Но, я не привел последней фразы рассказа Лоренца. А она такова:

В результате проповедник приобрел в своем приходе дурную славу и в конце концов на самом деле спился от отчаяния [Лоренц 1998: 110].

Теперь уже противоречие стало реальным: ПРОПОВЕДНИК превратился в ПЬЯНИЦУ. Комический эффект моментально исчезает.

Литература

- Аристотель 2000 — *Аристотель*. Риторика. Поэтика. М., 2000.
- Бергсон 2000 — *А. Бергсон*. Смех // *Анри Бергсон*. Смех. *Жан-Поль Сартр*. Тошнота. *Клод Симон*. Дороги Фландрии. М., 2000. (Б-ка «Лауреаты Нобелевской премии»). С. 7—126.
- Бутовская 2004 — *М. Л. Бутовская*. Язык тела: природа и культура. М., 2004.
- Кант 1994 — *И. Кант*. Критика способности суждения. М., 1994.
- Кошелев 2006 — *А. Д. Кошелев*. К общему определению игры // *Вопр. философии*. 2006. № 11. С. 60—72.
- Кошелев 2007 — *А. Д. Кошелев*. О природе комического и функции смеха // *Движение языка*. Сб. в честь 70-летия Л. П. Крысина. М., 2007. С. 277—325 (см. также веб-сайт: <http://www.old.lrc-press.ru/05.htm>).
- Лоренц 1998 — *К. Лоренц*. Обратная сторона зеркала. М., 1998.
- Пиаже 1969 — *Ж. Пиаже*. Избранные психологические труды // *Психология интеллекта*. М., 1969.
- Attardo 1994 — *S. Attardo*. *Linguistic Theories of Humor*. 1994.